

Дорогие Шера и Миш!

30/1 36

159

Плакшая ваша всея пришла в год
момши, когда я шел на демараз,
чтобы дать какому-то демарши
о расфедении сына. Ровно на
лет тому назад, так же почти
одновременно, уехала мама и
родился неудачливый мой извон
сын: четвертого августа и двадцать
третьего августа 1931 года. Тенерь-
двадцать восьмого декабря и 19го
август.

Как издевался себе Казенку
не забывай? Удивительно.

Вот я веломнало, как я ушел
у нее на Владимирской 60,-
- а ведь ровно тогда близко узнал
Казенку; и вот образ ее, несчастье,
так и остался у меня с того време-
ни.

Как молодого и смело ушла, - так
уже смело и ушла, ушла с работы. Как
это по-казенкиному!

Аве я написав сейчас-же, но
попытайся и сам переписать
о том-же. Знаешь-ли мама?

Обещало сделать все для того, чтобы
получить оставшееся после нее
здесь письма и документы. Я не
помню фамилии Софьи Давыдов-
ны — мамы. Писала ли тебе
с парня?

Дико и глупо думать о содвиг-
ни чего-то, оставшееся после
Каменки.

Писать трудно; отойдет, содвигу
все о маме. Роды — благополуч-
ные; ребенок — нормальный, 9-ти
фунтов; была кормя — все же жива
ташкентская записка. Мама —
— Герман.

Крепко обнимаю всех вас, дорогие,
в неослабной утробе.

Ваша
Мама не говорит; случайно мама твое письмо.
Я не хочу, чтобы она писала; живей от нее.